

Бондаренко Виталий Борисович / 1936 г.р.

Поэтический этюд «Ровесникам: детям войны»

Длинней и длинней все наш жизненный путь, короче – идёт к развязке...
Хотелось бы время назад вернуть, но это бывает лишь в сказке.

Мы помним все наши былые года, сейчас мы даём им оценку:
А с пользой ли жизнь наша прошла? Иль взяли с неё мы пенку?
Нет, пенки досталось, конечно, не нам, нам больше достались тяготы
И только память лишь по ночам пыхтит как весенняя пахота.

Узнали мы много горя и бед, познали и кровь, и разруху,
Потери родных на дорогах войны, а вместо конфеты – макуху.
Нам вместо игрушки был горсти снаряд, граната была погремушкой
Погибло немало наших ребят, играя кто с миной, кто с пушкой.

А крик матерей, их слёзы и стоны навеки нам в память достался
Когда на «игрушка» прошедшей войны твой друг или брат подрывался.
Тот крик их ужасный, иль стон, или плач сейчас студит нам жилы
Когда в День Победы и скорби людей приходим на их могилы.

Мы видели труд наших старших в войну, во время того лихолетья
Как в поле, в цеху, на равных во всем участвовали дети.
Тяжелые годы военных тех лет, которые мы пережили
Нам кредо на жизнь и на веру людей, на труд и на честь заложили.

В 1976 году я был на Кубе. С делегацией мы посетили знаменитую пещеру в городе Матансас. Там произошла встреча, которая осталась в моей памяти навсегда. После недолгих объяснений с немолодой парой выяснилось, что перед нами один из бывших немецких солдат, который попал в плен под Сталинградом. После войны его вернули в Германию. Сейчас он живет со своей женой в доме престарелых, что не мешает ему путешествовать. У него оказалось очень хорошее мнение о нас, русских людях. Была у него мечта – посетить Россию. Не знаю, исполнилась она или нет, но его слова запали в душу: «Война – величайшая глупость человечества, все нужно решать мирно!» Я вспоминаю эти слова и применяю их к современности: Россия и Украина, время, которое наполнено болью.

Помню я еще финскую войну, мне было 3-4 года. Мужики свернули трубкой газету, и обсуждают, как во время финской войны появился автомат. А я пацан, смотрю.

Помню первый день Отечественной войны, объявление сделал Молотов, нам сказали нарочный или кто-то из сельсовета. На все Фощеватово был один ручной

телефон, дозвониться было невозможно. Первые дни была некая эйфория: мы Германию победим! Шапками забросаем! Но была объявлена мобилизация. Первые дни мобилизации шли спокойно, но напряжение в народе нарастало. Впервые мы почувствовали, что война, когда шла группа демобилизованных и пели песню «Вставай, страна огромная». Мы вышли на улицу, это было каким-то предвестником, люди по одну сторону дороги, по другую все мы возле школы, вышли на дорогу провожать ребят, так поселилось чувство тревоги. Еще не было слез... они пришли, когда немцы подошли к Харькову. Хотя помнится такой эпизод 1941 года: над Фощеватовым наш самолет бросал листовки – карикатура Гитлера. Мы, детвора, кинулись их ловить, я тоже одну поймал, понес домой бабушке неграмотной. А она изрекла: «Его рисуют таким, а вин за три месяца до Москвы дойшев!»

Отец мой был директором школы, мать учительница. Мы жили рядом со школой, поэтому все основные события не приходили мимо нас. 41 год – помню, отца демобилизовали, а мать уехала по школьным делам в Волоконовку, она замещала отца. Нас с сестрой мать отправила к Иванову Ивану Андреевичу. Это были дни, когда шли бои в Валуйках. Его жена (не помню, как звали) симпатичная, пухленькая, набожная всю ночь простояла на коленях и молилась. Сидим мы с сестрой на лежанке, а по небу ходят огненные столбы. Это на Валуйки налетела авиация, прожекторами светило, а на Фощеватово было видно все.

Помню в 42 году закрылась школа. По весне в мае первый раз была бомбежка Фощеватво, все бомбы упали на край села. Не попали никуда, остались воронки, мы бегали искали осколки. Проходила по нашему селу, и эвакуация из Харьковской и сумской области. Трактористами были молоды девушки. Тракторы они поставили в школьном дворе, а утром не могли их завести и им помогал мужчина. Гнали скот, который попал под бомбежку, отчего спины коров были обгоревшие.

Помню, когда шли бои за Харьков через Пятницкое, Тубу, шел на Палатово обоз с ранеными бойцами. На повозках сидячие, лежащие раненые, грудь перебинтованная, у кого руки нет, у кого ноги... Мы водички подносили, поесть.

В школе у нас тоже был госпиталь. Раненые лежали не только по классам, но и в коридоре. Все эти ужасы помню, но страшнее всего, когда на живую делали операцию летчику. Операционной был угловой класс, у него с двух сторон окна, все было слышно и видно.

Работали в госпитале женщины, главврач был мужчина, заведующий госпиталем был майор, вооруженный пистолетом, у него еще собака овчарка была. Мы детвора с ней подружились. На весь госпиталь был еще и один карабин. Наша квартира была рядом. А я сижу на крыльце – висит все время немецкий самолет над нами. Самолет-наблюдатель, разведчик. Он летал по ругу и передавал что-то по рации. Начали падать с него маленькие блестящие пульки, я решил, что это мне поиграть летчик немецкий бросил. Подошел к санитарке, показываю, а она меня обняла, расплакалась, объяснила, что это в меня стреляли, а не игрушки бросали. Тогда подарила она мне коробочку из-под шприцов, я её долгое время берег.

Эвакуация.

Это было летом 42 года, когда немцы заняли Волоконовку. Отец пригнал повозку, запряженную лошадей, которая по ровному шла нормально, а с горы не могла идти –

ноги заплетались. 2 июля погрузились, с Фоцеватово вышло семь подвод. Дорога с Волоконовки и Пятницкого на Палатово была заполнена полностью. С утра ушел госпиталь, а мы после обеда. Впереди был Масленников А.П., кладовщик – были у них на подводе две бутылки с медом в полотняных мешках. Подъехали к дороге, а влиться не смогли из-за беженцев. Поток был быстрый. Пристроились, на повозке сзади девочка какая-то была, её сбила машина, девочку отбросило в кювет, полностью разбило лиц, но она осталась жива. Мы поехали на Старопузино, Палатово.

Прошла впереди бомбежка. Помню – горит изба, а никто её не тушит. Раньше нас на пол дня эвакуировался госпиталь. На дороге мы увидели овчарку знакомую, никого не подпускает к себе, и ни с кем не идет. Сидит рядом с холмиком, в котором майора похоронили. Мы уехали, она осталась лежать. По яру поехали, летят над нами два самолета. Мы попрятались, а они развернулись, и начался встречный обстрел. Я упал в колею и по колее пополз к матери. Был мне 7 год. Никого не убило, но урон нанесло, мед у соседей разбило. Мы сосали этот мед после бомбежки. Сколько ехали не помню. Остановились днем, в овин улеглись спать. Разбудили нас, спасли – в овине лежал коряндра, могли бы задохнуться.

Добрались до Алексеевки. Запомнилась – страшная бомбежка, за которой мы наблюдали с горы, сверху. Штук 20 самолетов немецких налетают на станцию и бомбят. Мы с сестрой проснулись от бомбежки этой, нас прикрыли меня корытом, её тазиком.

После бомбежки мы все собрались – куда идти дальше? На юг или переправа в Коротояк? Взрослые поговорили, решили идти на юг. Пошли по селам, по казачьим станицам, встречали нас не очень хорошо, ни пить, ни есть не давали. Мы поехали через Андреевку – Сергеевку – перед Доном Белогорье – Дон – наша очередь 75. Расположились – крутой спуск, лесок, понтоны, трос. Утром налетели самолеты, разбомбили переправу. Вернулись назад, и попали в расположение военной части, вновь начали бомбить. Взрывы, все кричат, тетка с коровой куда-то пропала, матери не вижу, солдат какой-то затащил меня в блиндаж. После бомбежки первая нашлась сестренка. Отчетливо помню, повозку с убитой женщиной, и живой маленький ребенок плачет. Мы все нашли. Едем, лежит телега, рядом труп у дороги, все этот труп переезжают. До войны в Фоцеватово было 7 коммунистов, в том числе и отец, возвращаться домой было просто не возможно, поехали дальше.

Остановились в каком-то яру, в летнем лагере, жили в сторожке. Сверху была дорога, по которой две недели подряд шла немецкая техника. Мы были на склоне, по другую сторону которого по ночам шли наши поодиночке и по парам, но группы не более 10 человек. Мы как могли, им помогали.

В это период произошел один эпизод. Было это где-то в сентябре, но было тепло. Лег я в траншеи на солнышке и заснул. Просыпаюсь на лошади сидит немец, у него пистолет, а я пацан – 7 лет, напугался, как рванул в лопухи и в окоп. Немец не глядя с автомата – пули над головой просвистели. Я сильно напугался и заснул, просыпаюсь часов в 11 ночи. Костер горит и катанка. Человек 17 у костра, все, с кем путь-дорогу коротаем. Я сел возле костра. Как увидели меня – обрадовались, тетка прямо по костру ко мне! Искали меня по близ лежащим селам, и не нашли, решили, что я мертвый. Радости было!

В первых числах октября – снежок было прохладно, мы переехали в Андреевку. Есть было нечего. У матери было пальто с опушкой на рукавах, муфта, воротник, и полы меховые, она отрывала мех и меняла на еду картошку. Картофельное поле под снегом искали замерзшую картошку. Немцы выставили часового – начали стрелять.

Казакі сменили своё настроение, когда узнали, что такое немецкий порядок. Муж с женой жили, был комендантский час, он вышел на улицу, шел патруль и ни за что убили человека. Нас первое время не брали на квартиру, потом всех приютила женщина (через 53 года я ездил, навещал эту женщину). Приютила она тогда много – семей пять: ночью выйти в туалет, а стать некуда. Потом нам дали небольшой домик, уже было своё жильё с двумя окнами и печкой.

Интересный момент: налетали наши самолеты У2, их называли «ночные ведьмы» за то, пилотами были женщины. У нас стояли мадьяры, так от испуга один из них стал на четвереньках бегать, вроде собака, что б не подстрелили.

Помню, был в селе колодец – один на всю улицу, добротный, но не очень большой. Воды туда поступало мало, но была она такая холодная, что на дне был лёд. Приехали какие-то немцы, смеются, разделись все со вшами и давай мыться в этом колодце. Это по части культуры арийской нации.

Перепись немцы проводили, ходили по хатенкам, переписывали, кто у кого живет. К нам в хатенку зашел комендант, а с ним человек семь всё переписывали, кто есть, кто. Все замерли, потому что девочку признали еврейку (так оно и было). Тетка Маша-хохлушка спасла. Сняла она повязки с израненных глаз, схватила девочку в охапку, да кричит, что мол, она украинка кровная. В это время еще налетели наши самолеты, была ямка с люком типа подвала, где хранились припасы. Все спустились, а поп (ксенз) бежит ногами вперед – туловище не проходит, он опускает голову – а зад наружу, мы смеемся.

Лечили меня немцы. Я ударился пальцем – загнила кость, началось воспаление, нога покраснела. Мать пошла в немецкий госпиталь, прислали немца. Он развязал, посмотрел, повертел головой. Прислал двух человек. Пленный итальянец посмотрел, достал какой-то порошок, посыпал, дал на следующий день пилюль каких-то. Так спасли мою ногу.

А следующий эпизод закалил навсегда мой характер. Я помню, как будто было вчера: один немец сидит, держит краюху хлеба, мажет маслом и посыпает сахаром. Зовёт меня, манит пальцем и хлеб тянет. Я как лягушонок на ужа подскакиваю с радостью, а он меня пальцем по лбу! От силы удара я отлетел далеко в сторону! Немец хохочет! С тех пор ни у кого ничего не просил, даже у родителей.

Еда немцев – ловко ловили птиц в степи, специальными лозинками с петельками, приманка – пшено. Мы детвора тоже пользовались этим. Первое, когда появлялись немцы, они требовали «матка, яйка, млеко!» У хозяйки осталось несколько кур, но каких! Как только во дворе появлялись чужие – куры мгновенно прятались, как партизаны!

Были мадьяры – строевые части, у нас стояли извозчики, которые возили боеприпасы, раненых. Обозы у них были добротные с тормозами, на колесиках. Они были как связь, но старались особенно не показывать свои знания, некоторое перебежали к русским.

Итальянцы подчинялись и боялись немцев. Стоял у нас итальянский батальон, у них лыжи кованые, ботинки с шипами. Карабины какие-то интересные были у них, а еще – мандолины. На тех мандолинах они играли русские песни «Волга- Волга», «Про Стеньку Разина». Говоря современным языком, с итальянцами у нас был бизнес. На голове они носили шерстяные вязанные шлемы, а сверху них - шляпы с черными перьями. Мы перья мазали постным маслом, посыпали сажей, сушили на печке и меняли их (если повезет) на продукты, но больше они давали ладанки и цветные открытки, галетки или конфетки.

Всегда хотелось есть. Мы бы от голода умерли, но ночью на 18 января немцев в селе не стало. Пустое село, а провизия осталась. Казаки потянулись с санками к складу, весь день жители тащили всё что можно. Пошли и мои тетка и мать. Принесли штук 8 сыра, казаки не знали, что это такое, поэтому сыр не тронули. Еще мама принесла в мешках овес и мулиный корм. Так из этого всего ухитрилась готовить и первое (похлебку) и второе(коржики) и третье (кисель). Вкус того замечательного сыра помню до сих пор. Грубу топили хворостом. Еще помню: принесла мать что-то в мешке, говорит, что теперь будет у нас тепло. Вываливает, а это итальянские гранаты. Вынесли мы их на луг, да играли с мальчишками, кто дальше забросит.

Когда наши пришли они пошли с проверкой по дворам. Помню, я играл в солдатики (патроны), а тетка сказала спрячь. От голода еще спасло то, что мать была грамотная, помогала кому письмо напишет, кому прочитает, люди расплачивались продуктами.

Жестокость была с обеих сторон. Немцы расстреливали сразу всех неугодных особенно если это были евреи, коммунисты, комсомольцы, цыгане. Зимой 43 года станицу освободили – пришли наши. К нам на постой расселили пленных итальянцев. На улице стояли сильные трескучие морозы. Пленных гнали группами по 10 человек, тех, кто падал, пристреливали. Трупов было очень много. Их сразу же раздевали: некоторых сами солдаты, некоторых местные. На морозе трупы сильно блестели. Нас заставляли стаскивать их к кладбищу. По весне, когда всё начало оттаивать стояла страшная вонь. Мы стягивали трупы проволоками и присыпали землей. Всего досталось.

Помню, у нашего дома были коновязи. Сверлишь коновязь, забиваешь скобу строительную, из мины вытягиваешь запал и бьешь, пока пуля не пробьет коновязь. У каждого пацана обязательно была ракетница. Я свободно разжигал снаряды. Мне в глаз попало.

Возвращение домой.

Дожили до мая 1943 уже перешли на щавель зеленый, стало легче. Возвращаюсь я домой, а во дворе стоит мужчина спиной. Поворачивается – отец! Это было подготовка к Курской битве. Его часть стояла в Горьком. Он узнал наш адрес приехал навестить. Пробыл отец у нас две недели, вместе сено заготовили. Домой он нас отвез только после Курской битвы, в октябре. Ехали мы на полуторке. В кабине было очень холодно, двигатель не сильно согревал. Много по дороге печек осталось – дом разрушен, а печка с трубой стоит. В Никитовке ночевали, там девочку помню контуженную, она молчала, и все время гладила стекло.

Первое время в конце 43 начале 44 года жили во Владимировке. Там тол с ребятами добывали из 16 кг бомбы. Мы хвост открутили со взрывателем, остальное сидим разрубаем и тол достаем. Когда в это время появился отец, то он очень сильно испугался. В Фощеватво вернулись, дом наш остался не тронутый, но внутри одна лавка осталась.

По близ лежащим селам оставались танки. Вернувшись в Фощеватово, принял «боевое» крещение от местных ребят. Отбиваясь от них, залез в один из стоящих танков и начал крутить башню. А пацаны удумали танк поджечь, уже и хворост снесли. Хорошо шел какой-то мужчина, меня вызволил. С пацанами я сдружился.

Когда появлялась первая зелень все мы собирались играли в лапту. Штаны на помочах, старшие команды набирают. Играли все от мала, до велика.

45 год – возвращение героев с орденами медалями,

Помню последний день войны. Мы были на ставке. Плачь с одной стороны села, крик и плачь, с другой стороны. С известиями о победы, в дома моих земляков приходили и похоронки. Каждый третий не дожил до победы. Одна соседка помню всё билась головой о стенку, никак не могли её успокоить.

Мы со ставка все разбежались с вестью о конце войны. В один момент возле сельсовета столы появились, скатерть красная, мужчины и женщины выступают, мы все только тогда поняли, что мы выжили!

В Фощеватово с давних времен сохранился праздник осенний Аспос. День, когда приезжает в село много горстей, приезжают кто с чем, везде ликует праздничное настроение, гостеприимство. В первой половине дня тихо, а вот вторая половина дня не обходилась ни разу без драк. Мой отец Бондаренко Борис Максимович решил объединить всех военных, что бы на праздник в селе не было драки. Все при параде, в орденах собрались на крыльце возле сельпо. После обеда началась среди людей драка. Драка идет, а военные стремятся успокоить – развести. Огромной мощный артиллерист Мишин Алексей, пытаюсь развести проходит как ледокол, но дерущиеся всё равно смыкаются в ряды. Один его кулаком, другой, он не вытерпел и себе пошел всех бить. Василий Иванович Шипилов (Кобелик – уличное) был разведчиком, награжден. Тоже смотрел-смотрел, потом вскакивает на перила сельпо и как коршун в толпу прыгает. Пошла толпа гулять туда-сюда! Появляется Василий Иванович без рукава и единой медали. Это ярко запомнилось и через много лет вспоминается с улыбкой.